

Гейбу и Мэдди

Глава 1

Человек лежал в темноте у края скалы и смотрел в бинокль на залитую лунным светом извилистую реку Снейк*, пробивающую себе дорогу через холмы Айдахо к плотине. Несмотря на колоритное прозвище, которое дали ему журналисты, мужчина с головы до пят был одет в черное, черным был и лежавший рядом с ним дрон — от четырех пропеллеров до девятикилограммовой боевой части. Этот большой квадрокоптер он три месяца собирал сам в своем охотничьем домике из деталей, которые нашел на свалке. Теперь тот громоздился на скале рядом с ним, подобно доисторической птице, готовой спикировать на ничего не подозревающую жертву.

Мужчина провел рукой по щетине на лице. Четыре дня он не спал в постели, не принимал душ и ни с кем не разговаривал. Он добирался сюда на своем фургоне по проселочным дорогам через семь штатов, отказавшись от использования мобильного телефона и кредитных карт и не выходя в интернет с того момента, когда попрощался с женой и детьми и выехал из своего дома в Мичигане. Он взял с собой запасы еды, питья и бензина, так как в любом магазине, даже самом маленьком, может оказаться камера,

* Говорящее название: «снейк» по-английски означает «змея». —
Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

и сделанный снимок станет доступным для тех, кто его разыскивал. На нем была флисовая куртка, обшитая снаружи нейлоновой тканью, не пропускающей тепло его тела, ведь он находился всего в полутора километрах* от слабо защищенной цели, а спутники, которые его искали, были оснащены тепловизорами.

Древние архейские образования под ним — старейшие из скал на поверхности земли — круто обрывались в ущелье, прорезанное рекой Снейк за время ее тысячекилометрового извилистого пути на запад, к далекому Тихому океану. При взгляде на эту картину, сияющую в серебристом лунном свете, у человека возникло ощущение, что он смотрит назад, сквозь века, и видит то время, когда земля была нетронутой и чистой, а человечество еще ничего не успело испортить. На мгновение его охватило глубокое чувство печали и безысходности, и он едва не сдался, уступив желанию вернуться к палатке. Вопреки психологическому портрету, составленному криминалистами ФБР и растиражированному так широко, что даже он сам прочитал его, человек вовсе не хотел, чтобы его схватили. Если они найдут его, то упрячут в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Он не боялся боли, но пожизненное заключение казалось ему настоящим адом на земле, и он отчаянно хотел его избежать. Если он будет пойман, то они уничтожат и его семью, представляющую для него невероятную ценность.

Он остро осознавал, что с каждой его атакой вероятность ошибки возрастает. Оперативная группа по Зеленому Человеку теперь насчитывала более трехсот преданных своему делу федеральных агентов, вдвое больше тех, что преследовали Унабомбера*. Рано или поздно он ошибется и даст им зацепку, которая поможет его поймать, — это был

* Прозвище профессора математики Теодора Качинского, крупнейшего бомбиста в истории США. С 1978 по 1996 год ему удалось совершить 16 терактов, убить 3 и ранить 23 человека, которых Качинский считал причастными к стимулированию технического прогресса.

вопрос времени и удачи, и, если он продолжит свое дело, это произойдет неизбежно. Если он остановится, они будут иметь лишь ту информацию, которой располагают сейчас. Возможно, не имело никакого смысла рисковать дальше — этот мир сделал множество шагов по своему самоубийственному пути, и человек глубоко сомневался, что он сможет обратить вспять то, что уже пришло в движение.

Самым разумным было бы оставить свою миссию и проводить драгоценное время с женой и детьми. Но тут он увидел мигающие фары джипа, когда ночной патруль двинулся вдоль парапета на гребне плотины, и две крошечные точки света, мерцающие наверху двадцатиметрового сооружения, подстегнули его к действию.

Мужчина достал из большого черного рюкзака передатчик, оставив его в чехле из стеклопластика, маскирующем тепловой след. Он включил его, и несущие винты квадрокоптера тут же пришли в движение. Он в последний раз проверил груз — двадцать брусков плотно уложенной пластичной взрывчатки тесно прилегали к капсюль-детонатору.

Квадрокоптер оторвался от скалы, и человек уверенной рукой передвинул две ручки управления, вводя поправки на угол крена, тангаж, рыскание и тягу. Затем он отвел его от себя, и большой беспилотник воспарил над ущельем, над залитым лунным светом водохранилищем и массивной плотинной. Медленно кружа, дрон завис в воздухе черным пятном на фоне полной луны — удерживаемый на такой высоте, чтобы наблюдатели не могли увидеть и услышать его. Это была тихая и безоблачная ночь — ночь, когда Господь представал сильным и могущественным в великолепии небес, и у человека был последний шанс, чтобы задуматься, осознать те колоссальные разрушения, которые он хотел произвести, и пожалеть об отнятых жизнях невинных людей.

Профайлеры ошиблись и в этом: он не был социопатом; на самом деле он обладал способностью к эмпатии, и убийство никогда не приносило ему радости. Не оставалось у него и иллюзий, что люди, чьи жизни он собирался пре-

рвать, несли какую бы то ни было ответственность за существование или предназначение плотины. Большинство из них еще не родились в 1970 году, когда она была построена, и им просто не повезло оказаться поблизости в ту ночь, когда он должен был ее уничтожить. Человек понимал, что сотрудники плотины, скорее всего, работают здесь ради стабильной зарплаты. Он и сам, только что окончив Йельский университет и слоняясь без дела, несколько раз брался за такую работу. Но не было способа сделать то, что нужно сделать, избежав гибели людей. Человек склонил голову и помолился. «Прости меня, Господи», — прошептал он, и его пальцы переместились на правую ручку управления, отправляя беспилотник в крутое, тщательно контролируемое пике. Он ощутил прилив возбуждения, которое всегда охватывало его в предвкушении того, что должно произойти, вкупе с порочной гордостью за свое создание, пикирующее со скоростью ста километров в час. Каждый лишний килограмм веса затруднял полет и уменьшал скорость, поэтому ему понадобились годы, чтобы научиться строить нечто способное летать достаточно быстро с настолько тяжелым грузом.

Джип прошел полпути по гребню плотины, но вдруг остановился. Неужели водитель что-то услышал? Это было маловероятно, да и слишком поздно, если только тот не являлся снайпером, способным оценить ситуацию и выстрелить в течение пары секунд. Скорее всего, часовой остановился, чтобы покурить и полюбоваться залитой лунным светом панорамой, которую наблюдал оператор дрона. Обрамленный стенами ущелья, на фоне громоздкого темного монолита бетонной стены серебристый поток воды вырывался из водосбросного люка и стодвадцатиметровыми каскадами устремлялся в сверкающее внизу водохранилище.

Но ничего не происходило. Время будто остановилось, и человек почувствовал: должно быть, что-то пошло не так. Если взрывное устройство не работает, агенты ФБР найдут квадрокоптер и бомбу целыми, и, несмотря на все предпри-

нятые им меры предосторожности, у них будет над чем поработать. Запаниковав, он подумал о Шэроне, Ким и Гесе, о том, как перевернется их жизнь, если его поймут. Самое доброе, что он мог для них сделать, — это избавить от кошмара суда, поэтому носил пилюлю с ядом с собой, куда бы он ни пошел.

Он увидел взрыв раньше, чем услышал его. Завеса огня накрыла низовую сторону плотины до самого гребня. Мощная ударная волна с неистовым грохотом прокатилась по ущелью. Но плотина не рухнула сразу, да мужчина и не ожидал этого. Атака на Всемирный торговый центр* с ужасающей ясностью продемонстрировала, что нет необходимости в том, чтобы взрыв мгновенно уничтожил объект, — нужно всего лишь нанести структурный ущерб конструкции, достаточный для того, чтобы вес, давление и сила тяжести довершили ее разрушение. Нападавший использовал ту же концепцию. Взрыв должен был лишь подорвать конструктивную целостность арочной плотины в критической точке. Тысячи тонн воды реки Снейк быстро сделают все остальное.

На протяжении нескольких секунд, протекавших мучительно медленно, все как будто оставалось прежним. Мантия пламени снова свернулась. Вслед за оглушительным грохотом взрыва наступила тишина. Затем сквозь первые трещины начали просачиваться маленькие струйки воды, словно над водохранилищем одновременно открылась дюжина новых водосбросов.

Человек не стал дожидаться, пока река разнесет плотину: он не находил никакого удовольствия в разрушении и смерти, хоть и планировал это месяцами. Он уже видел приближающиеся огни и слышал сирены. Не пройдет и двадцати минут, как сюда прибудут вертолеты. Он уложил вещи в рюкзак, тщательно проверил, не оставил ли после себя какой-нибудь мелочи, забрался на мотоцикл и устремился в ночь к своему фургону, который кружным путем отвезет его к тем, кого он любил.

* В Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

Глава 2

Том прибыл в гостиничный бар на пять минут раньше, но его отец был уже там, одолев полстакана скотча и поглядывая на часы. Он не поднял головы, когда Том приблизился к нему сзади, а только сказал:

— Думал, у тебя какая-то романтическая встреча. Зря я в это поверил.

Том отметил про себя тонкую полоску зеркального стекла над баром, которая давала отцу прекрасный обзор. Том уселся на барный стул рядом с ним.

— Как ты долетел? — спросил он, протягивая правую руку. — Дай пять, папа.

Рукопожатие было твердым и коротким, не интимным жестом вежливости, а данью мужскому протоколу — чем-то вроде воинского приветствия.

— А как ты, черт возьми, думаешь? Толстая дама, сидящая рядом со мной, весила, наверное, килограмм сто пятьдесят.

— Ну, толстякам тоже нужно летать.

С сомнением хмыкнув, отец отхлебнул большой глоток скотча.

— Как там мама?

— Передает тебе привет.

— Чем она занимается?

— Ходит в читательский кружок.

— И что они там сейчас читают?

— Забыл спросить. — Том махнул рукой бармену. — Если тебе попадетса что-нибудь интересное, вам будет о чем поговорить.

Отец поставил на стол свой стакан, посмотрев ему прямо в лицо, и Том сразу увидел, как тот постарел. Некогда густые, иссиня-черные волосы почти полностью исчезли, а немногие сохранившиеся пучки были редкими и совершенно седыми. Кожа на щеках отца обвисла, и у него появилась новая нервная привычка щипать и оттягивать эти

складки. Это было кислое лицо несчастного старика, недвольного своей жизнью и страшщегося смерти.

— Пытаешься острить?

Подошел бармен, и Том заказал крафтовое пиво.

— По крайней мере, выпей со мной, — сказал отец.

— Я уже пью с тобой. Я только что заказал пиво. Ради бога, папа!

— Все это пустая затея.

Том заставил себя успокоиться.

— Послушай, я вовсе не хочу ссориться. Я рад тебя видеть. И рад, что ты приехал со мной повидаться. Мне жаль, что я не смог вырваться во Флориду на твой день рождения. Ты прекрасно выглядишь.

— Я приехал не для того, чтобы с тобой повидаться.

— Ну, хорошо. Я рад, что мы случайно встретились в этом баре. Как ты себя чувствуешь? Как тебе живется с кардиостимулятором?

— Тебе позволяют носить такую прическу?

Бармен принес пиво, и Том, улыбнувшись, кивком поблагодарил его и сделал глоток.

— Я же не в морской пехоте, отец.

— Твое счастье, — ответил бывший капитан морской пехоты.

Оба замолчали. Висевший над баром телевизор транслировал матч по смешанным единоборствам, где один из бойцов, заняв доминирующее положение, молотил другого.

— Я скучаю по боксу, — в конце концов тихо произнес отец. — Это дерьмо убило бокс.

— Они хорошо подготовлены. Удары локтями — это приемы тайского бокса.

— Я бы предпочел Джо Фрейзера или Роберто Дурана*. — Отец Тома допил скотч и жестом попросил бармена снова наполнить стакан. — Ну, и как тебе это нравится?

* Выдающиеся американские боксеры 1960–1970-х годов.

— Ты имеешь в виду работу?
— Никогда бы не подумал, что ты будешь заниматься этим.

— Спасибо. Я только приступил, но пока мне нравится.

— Твоя мать говорит, что тебя включили в большую оперативную группу.

— Всего неделю назад. По тому парню, который все взрывает. По Зеленому Человеку.

Отец скривился, словно попробовал что-то отвратительное.

— Его так называют либеральные СМИ.

— Папа, его все так называют.

— Это чтобы сделать его героем.

— Даже Бреннан так его называет.

— Для тебя он мистер Бреннан.

— Нет, для меня он помощник директора, специальный агент, ответственный за оперативно-тактическую группу, воплощение Бога — Бреннан. Он называет этого парня Зеленым Человеком.

— Джим Бреннан молодец. Ты с ним знаком?

— В оперативной группе больше трехсот агентов. Он проводит большие брифинги, а я сижу сзади и стараюсь пукать не слишком громко.

— Стало быть, он не знает, кто ты такой?

— Зачем ты об этом спрашиваешь?

Бармен налил отцу щедрую порцию скотча, и тот, достав из бумажника двадцатку, положил ее на полированную дубовую стойку.

— Я мог бы позвонить.

— Нет, сэр.

— В мире полно людей по фамилии Смит. Он захотел бы узнать...

— Ты уже сделал свою карьеру. Позволь мне сделать свою.

Его отец кивнул и посмотрел на часы.

— Ну что ж, давай. А мне скоро ложиться. Рано утром я уезжаю.

— Мама говорила, что ты хочешь повидаться со старым другом.

— С Биллом Монро, если ты его помнишь. Из Митчелл-Виллидж.

— Конечно, помню. Он организовывал дурацкие рождественские вечеринки, где одевался Санта-Клаусом, а вы с мамой напивались пуншем из бурбона.

— Вечеринка окончена. У него прогрессирующий рак простаты. Я хочу попрощаться.

— Мне жаль это слышать.

— Итак, у тебя есть мотив?

Том взглянул на часы. Ему казалось, что он сдерживает себя уже с полчаса, но на самом деле прошло только пять минут.

— Ты о чем?

— О долбаном Зеленом.

Крафтовое пиво оказалось слишком сладким и пришлось Тому не по вкусу, но он все равно сделал большой глоток.

— Либеральные СМИ говорят, что он активист-эколог, который хочет привлечь внимание к тому, как мы разрушаем собственную планету, — начал он.

— И ты купился на это?

— Послушай, я знаю, что ты с этим не согласен, но я не работаю с мотивом, — осторожно сказал Том. — То, что я делаю, в основном связано с обработкой данных, чтобы найти систему. И если ты позволишь этим данным заговорить, один предвзятый мотив может ввести в заблуждение. Я не собираюсь навязывать свое мнение и объяснять свой подход. Просто я знаю, что по этому вопросу у нас есть расхождения.

— Значит, тебе не нужно беспокоиться о мотиве? — Отец допил скотч и поставил стакан на стойку. — Или, может, на самом деле ты просто боишься думать об этом? —